

29. На Краю Земли: последний герой

Темный и противоречивый сумрак восхода. Небо в массах фиолетовых грозовых облаков. Это все они видели, глядя со скалы над Финз в сторону Лизард Рок. Выглядело это все не хорошо и не плохо. Новый вертолет, больше предыдущего, костер, четыре грузовика, две больших палатки, то ли скатки, то ли люди, лежащие на песке и камне, то ли мертвые, то ли спящие, то ли те и другие. Но это были не единственные трудности.

— Почему они решили устроить лагерь здесь? — сказал Хейдьюк, — столько пустого места, а они здесь. Почему именно здесь?

Надо возвращаться к моей люцерне и дыням, думал Смит. К обоим. Зеленая река нуждается в тебе. Начнутся дожди. Дети скучают по отцу. Покататься на отцовской лодке. Ковчег Редкого.

Утренняя звезда загорелась на востоке, в окошке сплошной облачности. Юпитер Дождливый, планета дождя, сияет как хром в небе цвета слоновой кости, лиловый рассвет, сумрак свободы.

— Нет, ну почему именно здесь? Почему прямо на нашем тайнике с едой?

— Не знаю, Джордж, — сказал он, — не повезло просто. У нас есть еще один возле Ручья Френчи.

— Мы туда не пойдем, мы идем в Мейз.

— Я не уверен насчет Мейз, Джордж. Может быть трудно найти дорогу вниз в этот Мейз. Еще труднее найти дорогу оттуда. Нет источников воды, нет еды, нет ничего. Я думаю, может нам залезть наверх, пойти на север к Зеленой реке.

— Ты с ума сошел, это восемьдесят миль. В твоём доме засада. Ты хочешь попасть домой, а попадешь в тюрьму.

Смит жевал травинку.

— Может быть. А может и нет. Моя жена умная, она может обойти епископа Лава.

— Епископ Лав? Там будет не только он и его Команда. Будет полиция, возможно ФБР. Возможно, ЦРУ, кто их знает. Нам надо где — то спрятаться и переждать. Хотя бы зиму.

Смит тихо смотрел на лагерь внизу, в полумиле от них. Никаких признаков движения. За лагерем и за Лизард Рок есть много тенистых каньонов в Мейз.

— Ладно, Джордж, я не знаю. Ты можешь сделать это там внизу. Если ты достигнешь реки, это неплохой шанс. В реке полно сомов, их легко поймать, на сторонах каньона водятся олени, немного, но есть. Есть дикие лошади, канадские бараны, и обычно плавают по реке дохлые коровы. Может я сам могу послать одну вниз для тебя, и для себя. Плюс целая флотилия арбузов в конце августа.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказал Хейдьюк. Ответа не последовало. Хейдьюк продолжил с другой стороны.

— Если я добуду одного оленя в месяц, я не умру. Я могу заготавливать мясо. Если одного в две недели, я буду толст и счастлив как бобер. Я построю коптильню для рыбы. Кроме того, то, что в тайниках с едой — хватит бобов на месяц. Мне не нужны дохлые коровы. Арбуз был бы кстати, я думаю, если ты хочешь сплавить мне несколько. Но лучше оставайся.

Смит улыбнулся грустной улыбкой.

— Я все это уже проходил, несколько раз. Еда — это не проблема.

— Да я тоже, черт возьми, не волнуюсь о зиме. Я приведу в порядок одну из этих старых руин и устрою там уютную пещеру, запаса там достаточно можжевельника и пиний, чтобы встретить во всеоружии любой буран. Когда эти «члены комитета бдительности» смоются отсюда, я заберу мой рюкзак с теплыми вещами. Не о чем волноваться.

— Да, это не зима.

В наступившей тишине они лежали на скале, глядя на врагов. Спать днем, двигаться ночами. Но голод урчал у них в желудках. Обе фляги снова опустели. Хейдьюк, до смерти утомленный своими ранами и бинтами, весь в лохмотьях, оставил с собой только нож, револьвер, ружье и веревку, несколько спичек в кармане. Смит похудел, осунулся, выпачкался, очень скучал по дому и начал ощущать свой средний возраст.

— Ты думаешь, я остаюсь один? — сказал Хейдьюк.

— Да.

— Думаешь, я не вынесу одиночества?

— Это может быть трудно, Джордж, — пауза.

— Может ты и прав, посмотрим, — Хейдьюк потер на шее комариный укус, — я хочу попытаться. Ты знаешь, есть что — то, что я всю жизнь хотел сделать. Я хотел жить один, вне цивилизации, — он погладил приклад ружья. Коснулся рукоятки. — Я думаю, с нами все будет в порядке, может быть, черт побери, все будет нормально, Редкий. И когда-нибудь, следующей весной, я приду к реке и навещу тебя. Или твою жену. Ты, вероятно, будешь в

тюрьме.

Смит улыбнулся бледной улыбкой.

— Всегда тебе рад, Джордж. Если меня не будет, ты можешь помочь с детьми и домашними делами, пока Сьюзан будет водить трактор. Чтобы была какая — то жизнь в этом старом доме.

— Я думал, ты не собираешься заниматься сельским хозяйством.

— Я речной гид, — сказал Смит, — лодочник. Ранчо, это то, что называется социальное страхование. Сьюзен хорошо разбирается в фермерстве, я не особенно. Как бы там ни было, я бы хотел побыть там несколько дней.

— Там тебя уже будут ждать.

— Всего несколько дней. Потом, возможно, я загружу одну из лодок и спущусь по реке, пока не найду тебя. Через несколько недель. Я привезу тебе арбузов и газет, чтобы ты прочел все о себе.

— Как насчет твоей другой жены?

— У меня три жены, — с гордостью сказал Смит.

— Что с ними?

Смит задумался.

— Сьюзен — единственная, кого я хочу видеть, — он посмотрел на восток, где светало, — надо прятаться, Джордж, и поспать. Наши друзья скоро примутся нас искать.

— Я до чертиков проголодался.

— Мы оба, Джордж, но надо прятаться.

— Если бы был какой-нибудь способ увести этих ребят из лагеря. Чем-то отвлечь хоть на несколько минут, пробраться туда и вырыть тайник...

— Давай отдохнем, Джордж, а потом подумаем об этом. Дождемся дождя.

Они прошли пятьсот ярдов назад в темноту Финз, ступая по скалам, не оставляя следов, и легли под глубоким карнизом, укрытым обломками камня, найти это место можно только подойдя вплотную. Урча и бормоча, с болью в желудках, слабые от недостатка пищи, с сухими от жажды глотками они пытались заснуть, и через некоторое время им удалось задремать, полуспя, полубодრствуя, вздрагивая от кошмаров, постанывая.

Далеко над плато, в трех тысячах футов сверху, молний освещала пинии, и раскаты грома прокатывались через каньоны, сквозь облака, врываясь в тяжелую тишину сумрачного рассвета. Несколько капель упал на скалу возле их убежища, оставив темные следы, которые быстро исчезли, испарившись в сухой воздух. Смит, скорчившийся на боку, забылся глубоким сном.

Хейдьюк размышлял, мечтал и не мог уснуть. Слишком устал, чтобы спать. Слишком голоден, зол, возбужден и напуган, чтобы спать. Ему показалось, что осталось только одно препятствие между ним и зимой и осенью в пустыне внизу в Мейз, там, где он в конце концов потеряется, забудется навсегда, станет настоящим хищником, чья жизнь направлена на выживание и ничего больше, ничего кроме ясной, трудной и яркой игры. Весь этот мир, думал, или, скорее, мечтал он, конечный мир мяса, крови, огня, воды, скал, дерева, солнца, ветра, неба, ночи, холода, рассвета, тепла, жизни. Эти короткие, грубоватые и непреодолимые слова символизировали для него почти все, что, как ему казалось, он потерял. Хотя, наверное, нет. И одиночество. Одиночество? Неужели это все, чего он должен бояться? Но оставалось еще одно препятствие: вражеский лагерь в Лизард Рок, на месте его тайника.

Вспышка внезапного света проникла сквозь закрытые веки. Беспокойство. Затем последовали яростные удары грома, рев, как будто небо расколосось пополам. Ядра пушек, бомбардирующие камень. Еще одна бело — голубая вспышка, обжегшая стену каньона. Проснувшийся Хейдьюк ждал удара, считая секунды. Одна, две... Ба-бах!

Это было рядом, две секунды, около двухсот двадцати футов. Стена дождя обрушилась на них, сияя как бисерная штора за балконом уступа. Он повернулся посмотреть на Смита, чтобы поговорить с ним, но сдержался.

Старик Редкий Гость лежал на боку и спал, несмотря на гром (знакомый и возможно успокаивающий звук для него), голова лежала на руке, улыбка проносилась на его невзрачном лице. Этот сукин сын улыбался. Хороший сон. Он выглядел таким безмятежным в этот момент, таким беспомощным и счастливым, что Хейдьюк не смог побеспокоить его. Он подумал — зачем его вообще будить? Все равно нам надо прощаться, а Хейдьюк ненавидел прощания.

Он снял ботинки, вывернул носки, погладив горячие пятна на ногах. Нет смены носков, нет присыпки для ног, нет ванны, эти ноги должны потерпеть еще несколько часов, пока мы не откроем тайник. Он снова надел носки и ботинки. Снова молнии, барабанные раскаты, скатывающиеся по скалам. Хейдьюк нашел временно стимулирующий эффект. Добавка сил. Дождь обрушился, как водопад. Отлично, именно то, на что они так надеялись.

Хейдьюк застегнул ремень ружья и кобуру от револьвера, повесил ружье и веревку на плечи, взял одну из оставшихся пустых фляг и выполз наружу. Дождь барабанил по его голове и плечам, стекал с козырька кепки на кончик носа, он заставил себя рысью побежать вверх. В сером свете, озаряющемся время от времени вспышками молний, Финз выглядели как старый кубок, четыреста футов стен из мокрого серебра, громоздились в дымке, истекали водой.

Он встал на несколько минут посмотреть на мир, значительно меньший, чем раньше, со зловещими каменными формами, стоящими в простыне дождя, стены плато терялись во мраке, Лизард Рок больше не был виден. Но он знал дорогу. Натянув кепку сильнее, он побежал в грозу.

Смит не удивился, проснувшись и не найдя своего приятеля. Не удивился, но слегка огорчился. Хотя бы сказал «до свидания» (да пребудет с тобой Бог), «прощай», или просто «пока», старый друг, пока мы снова не увидимся. На реке, возможно. Или в Аризоне во время славного конца кампании, когда будет разорвана, убрана, снесена эта плотина Глен Каньона. Мы никогда не соберемся вместе по этому поводу.

Смит просыпался медленно, не спеша. Нечего спешить, раз Хейдьюк ушел. Дождь лился постоянно и монотонно за кромкой карниза, струйки воды сочились в пещеру, затекая под его плечо. Проснулся он от воды, а не от дождя или молний. Переползая в сухое место он обнаружил отсутствие Хейдьюка, вместе с его пожитками, и без удивления, но с чувством потери, осознал, что он, Смит, остался один, с его точки зрения. Ну, как и Хейдьюк, он воспользуется дождем по максимуму. Надо обойти поисковиков и спасателей, пойти по дороге до Золотой Лестницы, подняться до Дороги Флинта до Края Земли, Пещеры Флинта, Источника Флинта, затем легкий десятимильный переход на равнину, через лес к Источнику Френчи, и еще одному тайнику с едой. Сейчас ему нужна была еда. Говядина, бекон, фасоль, печенье, сыр, и он будет готов к шестидесятимильному маршу домой, к Зеленой реке.

Бормоча себе под нос, Смит выполз из пещеры в скале и погрузил лицо в дождь. Здорово. Сладкий прохладный дождь. Спасибо большое, там в небесах. Но сложил ладони в горсть, подставил под струю и напился. Хорошо, Боже, как хорошо, но есть захотелось еще сильнее. Освеженный, но голодный, он наполнил флягу и отправился дальше, вверх по изрытым камням между башнями Финз, так же как сделал Хейдьюк. Но на выходе, где Хейдьюк пошел прямо в сторону Лизард Рок, Смит срезал налево, южнее и западнее, идя вдоль контура скалы вокруг начала ближайшей стороны каньона. Он мог только догадываться о времени дня, он чувствовал, что было около полудня, хотя небо было закрыто облаками, он чувствовал, что проспал несколько часов.

Сильный дождь продолжался. Видимость была не больше двухсот ярдов. Смит шагал через пустыню, по красным скалам, красному песку, редким кустарникам горной розы, можжевельника, юкки, полыни, каждое растение отделялось от соседнего десятью и больше футами голого песка и камня. Никакого человеческого жилья, кроме гребней, ущелий, столбов и каменных углублений слева от него. Он не пытался скрывать свои следы, где кратчайший путь шел по песку, Смит шел. Он знал, что вскоре он снова выйдет на твердую скалу, на Лестницу, и через разрыв в сторону Тропы Флинта.

Вскоре он вышел на грунтовую дорогу, которую он пересек и шел параллельно некоторое время, пока дорога не оказалась зажата между началом очередного тупикового каньона и стеной плато. Выбора не было, Смит пошел по дороге, оставляя на мокром песке большие следы. Ничего нельзя было сделать. Дорога шла по единственно возможному для него пути, пути, который впервые проделали олени и бараны двадцать тысяч лет назад, вдоль

извивающейся террасы к широкой земле, где он оставил дорогу с облегчением, надеясь, что дождь смоет его следы до того, как их заметит очередной патруль.

Если же нет, думал он, значит нет. Смит пошел наискосок через контуры земли к более высокой точке, в сторону разрыва в гряде, известному как Золотая Лестница, единственная тропа, ведущая из земель скалистых террас на плато. Сумасшедшая страна, половина перпендикулярна другой половине, в основном это недостижимо для человека, идущего пешком, потому, что состоит из вертикальных стен. Страна Редкого Гостя Смита была единственным местом, где он чувствовал себя комфортно, безопасно, и вообще, как дома.

Как настоящий автохтонный патриот, Смит был предан только той земле, которую знал, а не тому разбухшему пузырю, состоящему из недвижимости, промышленности и суестьемуся населению переехавших британцев, европейцев, африканцев, называющих себя Соединенными Штатами. Его лояльность простиралась до границ плато Колорадо.

Он увидел фары внизу, сквозь дождь, один, два, три автомобиля, похоже на военный конвой, ползущий по мокрым скалам, через болото, скрываясь из виду за очередным поворотом. Он услышал грохот падающих камней. Отдельные машины живыми отсюда не уйдут, подумал он, покидая свое укрытие подо можжевельником и продолжая двигаться. Бог тоже двигал скалы. Надо бы еще. Он нашел дорогу и пошел вверх, карабкаясь по четырехсотфутовым «американским горкам» на очередную террасу. Здесь дорога делала длинный траверс на северо — восток, идя вдоль кромки, до очередного провала в стене. В трехстах футах выше и в миле от того места Смит вышел на перевал. Внизу был верхний край водостока, известный под названием Элатерит; он был на полпути от подножия Тропы Флинта. Дальше, еле видный сквозь дождь, был Бэгпайп Батте, дальше и выше были Оранжевые Скалы, кромка высокого плато на тысячу футов выше и в пяти милях отсюда. Солнце блеснуло в разрыве облаков.

Смит передохнул минутку, расслабился. Он услышал выстрелы, очень далеко, на большом расстоянии, краем сознания. Он посмотрел назад, в сторону Лизард Рок, Мэйз. Может ему послышался этот звук.

Дождь прекратился. Снова раздалась стрельба, повторяющийся заградительный огонь.

Ты слышал, сказал он себе. Парень не может быть таким тупым. Даже Джордж не будет настолько глуп, чтобы ввязываться в перестрелку с ними, кто бы там ни был, полиция, чертовы департаменты шерифов округов Вэйн, Эмери, Гранд и Сан Хуан, не говоря о епископе и его команде бобовых фермеров и продавцов подержанных машин. Нет, это не он, он должен быть в Мейз и сдирать шкуру с оленя, которого он подстрелил, это его выстрелы я слышал. Хотя, если честно, по звукам, напоминало войну среднего масштаба.

Слишком поздно чтобы возвращаться. Хейдьюк хотел остаться один, и остался. Два вертолета грохотали, направляясь в Мейз. Смит встал и пошел и шел до вечера. Лучи солнца расходились от светила как гигантские золотые прожектора, в обновленном небе. Он с трудом протащился последние несколько футов до вершины Лестницы Флинта.

Изможденный, мокрый, с пузырями на ногах, замерзший, Редкий проковылял мимо туристов, сгрудившихся на смотровой площадке на гребне. Вид на Мейз. Четыре пожилые женщины, водя биноклями туда — сюда таращились на Смита со страхом и подозрением, затем снова стали смотреть а что — то более интересное, видневшееся со стороны Мейз. Они смотрели на панораму огромного цирка, из десяти колец, в несколько миль глубиной и шириной, над ним кружился самолет. Красный огонь, изгибы дыма и тумана, выплывающие из тумана, бронзовый водопад из жидкой грязи, с грохотом скатывающийся из обрывистого края тысячефутовой скалы пока двигались небесные лучи, исходящие из этой точки, той точки, что осталась в тени облаков.

Смит не обратил внимание на туристов, желая поскорее уйти из общественного места в пиниевые леса. Еще десять миль к роднику Френчи, и к еде. Срезая угол он прошел мимо припаркованного автомобиля и стола для пикников, на котором они оставили переносной холодильник, а в нем — зубную пасту? Обогащенный водород? А может, еду?

Подкашивающиеся ноги Смита едва не отказали ему. Он почувствовал запах мяса. Он заколебался, идя мимо стола, не в силах устоять, открыл крышку холодильника, взял пакет сверху, оглянулся на женщин. Они оторопело смотрели на него, солнце отразилось в стеклах их очков. Он положил пакет в карман — два жирных куска, более чем достаточно. Он положил квотер на стол и забрал два холодных бумажных пакета.

Одна женщина пронзительно крикнула:

— Положи на место, подлый ворюга!

— Извините, леди, — пробормотал Смит. Он положил пакеты в свой ящик и побежал в заросли, уронил один из них, побежал дальше, шлепая через грязь, сосновые иголки, гальку на солнечное место возле большого валуна. Он прислушался, погони не было слышно.

Боже, как я устал. Он опустился на землю, развернул пакет. Два фунта гамбургеров, воняющих белком. Он начал чавкать, как голодающая собака, вгрызаясь в сырое мясо, пока не съел все. Насыщаясь он слышал машину, которая остановилась у дороги. Никаких звуков, кроме трескотни белок, хора голубых соек среди пиний. Вечерний летний солнечный свет. Мир. Изнеможение.

Набив живот, Смит прилег на нагретый за день камень и закрыл усталые глаза. Хор вечерних птиц праздновал окончание грозы, певчие птички, сойки, дрозды, пересмешник, и дятел пели среди деревьев, в высокогорном воздухе, в семи тысячах футов над уровнем моря. Солнце плыло в архипелаге облаков, разбивающих небо.

Смит заснул. Сны его были странные, тревожные, скупая и мимолетная имитация реальности. Бедный Смит спал... Или думал, что спал. Какой — то сукин сын пнул его ботинком.

— Проснитесь, мистер.

Вок, вок, вок.

— Просыпайтесь!

Смит открыл один глаз, его взору открылись зеленые защитные брюки и сверкающий ботинок. Открыв другой, он увидел розовощекого парня в шляпе, который держал в одной руке ошипанного цыпленка. Другой парень был вооружен пистолетом и жезлом, постукивал по дереву дубинкой, серьезно глядя на Смита. У обоих была форма рейнджеров парковой службы.

— Вставайте.

Смит огляделся в поисках шляпы, нашел и надел ее на голову. Затем раздражение охватило его. Он не поднялся.

— Идите своей дорогой, ребята, я хочу спать.

— На вас поступила жалоба, мистер.

— Какая еще жалоба?

— Эти женщины сказали, что вы похитили у них гамбургер и цыпленка.

— Какого цыпленка?

— Вот этого.

Смит поднял голову и уставился на голую птицу.

— Никогда его раньше не видел.

— Вы уронили его, когда бежали, мы нашли его здесь.

Смит поднял глаза и прочитал на нагрудном знаке: Эдвин П. Эбботт, Мл. Он вспомнил.

— Скажите, вы не были в Национальном парке Навахо в Аризоне пару месяцев назад?

— Меня перевели. Они сказали, что вы украли у них два фунта гамбургеров.

— Это правда.

— Вы признаете это?

— Да.

— Вы не отрицаете это?

— Да.

Два рейнджера посмотрели друг на друга, кивнули, затем серьезно посмотрели на Смита.

— Так вы сознаетесь в этом?

— Я был до смерти голоден, — объяснил Смит, — и я оставил женщинам денег. Пусть что хотят, то и делают с ними. У вас ребята, много важных дел, так что дайте мне поспать.

— Вы арестованы, мистер. Вы едете с нами.

— Зачем?

— За кражу и оборудование лагеря в не предназначенном для этого месте.

— Это моя страна.

— Это национальный парк.

— Я здесь живу, я житель штата Юта.

— Объясните это судье.

Смит зевнул и повернулся на другую сторону, закрыв глаза.

— Хорошо, только дайте мне немного поспать. Я очень устал, ребята, хоть чуть-чуть... — пробормотал он, погружаясь в сон.

— Вставайте.

— Идите к черту, — прошептал он сквозь сон.

— Вставайте!

— З-з-з-з... — Смит съехал в сторону, расслабившись в теплом и уютном углу камня.

Рейнджеры посмотрели на спящего Смита, затем друг на друга.

— Может врезать ему дубинкой, — сказал второй рейнджер, — сразу проснется.

— Подожди, — рейнджер Эбботт вынул новые пластиковые наручники из чехла на поясе, — давай наденем на него браслеты. Незачем его бить дубинкой.

Привычно и быстро он нацепил наручники на запястья Смита, этому его хорошо научили в Академии Рейнджеров имени Хораса П. Олбрайта в Саут Рим, Гранд Каньон. Смит ворчал сквозь сон, но не сопротивлялся. Он даже не проснулся. Ему на все было плевать. Рейнджер Эбботт и его напарник поставили пленника на ноги и потащили на слабых ногах через заросли к патрульной машине. Куда его девать? Они посадили его на сиденье между собой. Смит, улыбаясь во сне и похрапывая, осел на бок.

— Тяжелый засранец, — сказал напарник.

— Не волнуйся.

— Что делать с курицей?

— Забрось ее в лес.

— Нам она не нужна? Как вещдок?

Рейнджер Эбботт ухмыльнулся.

— Забудь о курице. У нас тут птица покрупнее. Ты что, не понял кто это?

Другой, ерзая под весом навалившегося Смита, сказал:

— Ну, мне интересно, кто это. Я думал, кто это может быть. Поэтому я думал, что надо вначале врезать ему дубинкой. Ты думаешь мы поймали Рудольфа Рыжего?

— Именно.

Рейнджер Эбботт завел мотор, взял микрофон и доложил начальству о поимке.

— Поздравляю, Эбботт, — ответил начальник сквозь треск в динамике, — но это не Рудольф Рыжий. Час назад Рудольфа Рыжего застрелили. Вы поймали кого-то другого. В любом случае везите его сюда. И не забудьте отчет о дежурстве.

— Да, сэр.

— Дерь-мо, — сказал напарник.

Они собирались было развернуться и поехать своей дорогой когда туристская машина затормозила вблизи. Семейная пара внутри выглядела озабоченно.

— О, рейнджер, — позвала жена.

— Да, мэм? — сказал Эбботт.

— Скажите, пожалуйста, — женщина смущенно улыбнулась, — где ближайшее место отдыха?

— Да, мэм, ближайшее место для отдыха за паркингом возле Панорамы Мейз и также возле обзорной площадки Лэндз Энд. Вы их не пропустите.

— Большое спасибо.

— Не за что.

Посетители уехали, осторожно (из-за мокрой дороги). Рейнджер Эбботт завел двигатель и со скрипом развернулся, вызвав брызги грязи на пинии вдоль дороги.

— Я люблю эту работу, — сказал он, с ревом набирая скорость в сторону офиса участка.

— Я тоже, — сказал напарник.

— Столько возможностей помочь людям.

Десять тысяч квадратных миль вне цивилизации, снилось Смигу, и ни одного унитаза. Место для отдыха! Старина Джордж Хейдьюк, ты нам нужен сейчас. Рудольф Рыжий мертв.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:11:50

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:12:07